

Камерализм и философия естественного права

Ирина Геннадьевна Чаплыгина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, e-mail: igch@yandex.ru

Цитирование: Чаплыгина, И. Г. (2020). Камерализм и философия естественного права // *Terra Economicus*, 18(4), 97–110. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-97-110

В статье представлена попытка описать интеллектуальную среду, в рамках которой развивался камерализм в XVIII веке. Основной тезис заключается в том, что в этот период оформляются два самостоятельных источника развития экономической мысли: один восходит к схоластике и развивается в русле юриспруденции и моральной философии; другой берет начало от науки государственного управления, отличающейся прикладными задачами и отсутствием теоретической системы. Для сравнения этих двух тенденций главный акцент в исследовании ставится на анализе традиции естественного права и ее эволюции (схоластическая, рационалистическая (Дж. Локк и др.) и социологическая (Д. Юм и др.) школы). Сопоставление разных течений осуществляется по трем ключевым для развития экономической мысли этого периода тезисам: 1) методологический (априоризм – антиаприоризм); 2) антропологический (принятие – перевоспитание естественной природы человека); 3) политический (либерализм – регуляционизм в области экономики). При исследовании проводятся параллели с развитием экономической мысли России в XVIII веке.

Ключевые слова: камерализм; естественное право; априоризм; экономический либерализм; регуляционизм; русская экономическая мысль XVIII века; экономика как научная и учебная дисциплина

Благодарность: Автор выражает благодарность РФФИ за выделение гранта № 19-010-01080 «Камерализм в России XVIII–XIX веков: экономическая практика и академическая дисциплина», позволившего осуществить научное исследование, результаты которого представлены в статье.

Cameralism and the tradition of natural law

Irina G. Chaplygina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: igch@yandex.ru

Citation: Chaplygina, I. G. (2020). Cameralism and the tradition of natural law. *Terra Economicus*, 18(4), 97–110. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-97-110 (In Russian)

The article presents an attempt to describe the intellectual context in which cameralism developed in the 18th century. The main thesis is that during this period two independent sources of economic thought were formed: one goes back to scholasticism and developed in the frame of jurisprudence and moral philosophy; the other one takes its origins in the "science of public administration", which is distinguished by practical goals it set and the absence of a theoretical system. During our investigation, we made a focus on the tradition of natural law and its evolution (the scholastic, rationalist (J. Locke and others) and sociological (D. Hume and others) schools are compared). The comparison of thoughts is carried out by three points, which were essential for the development of economic thought of this period: 1) methodological (apriorism/anti-apriorism); 2) anthropological (acceptance/improvement of the natural properties of man); 3) political (liberalism/regulationism in economics). The study draws parallels with the development of economic thought in Russia in the 18th century.

Keywords: cameralism; natural law; economic liberalism; apriorism; Russian economic thought of XVIII century; economics as a science and as a discipline

Acknowledgements: The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of the research project № 19-010-01080 "Cameralism in Russia in XVIII–XIX centuries: Economic practice and academic discipline".

JEL codes: B11, B19, B30, B31

Идея обратиться к детальному анализу интеллектуальной среды, в которой развивался камерализм, а конкретнее исследовать, как камерализм соотносится с традицией естественного права, возникла в связи с работой над историей экономической науки в Московском университете во второй половине XVIII века (Чаплыгина, 2019). В литературе, посвященной этому периоду, особенно советской, подчеркивалось противостояние двух тенденций в развитии экономической мысли России. Одна была привнесена немецкими профессорами, приглашенными в российские университеты (Московский, Петербургский, Харьковский)¹. Элементы экономических знаний преподавались в рамках юридических наук (Ф.Г. Дильтей, а затем И.А. Третьяков, С.Е. Десницкий) или исторических (И.Г. Рейхель, который в 1765 году активно участвовал в разработке нового устава Московского университета, по которому должна была быть создана кафедра камералистики). Другая была в значительной степени связана с запросом государства (начиная с эпохи Петра I и далее при Екатерине II) на конкретные знания, которые позволили бы лучшим образом обустроить экономику страны (проекты М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, И.К. Кирилова). Здесь экономическое знание в большой степени рассматривалось как прикладная отрасль естественных наук, чуждая абстрактным теоретическим рассуждениям и нацеленная на сбор информации и практическую направленность знаний (Чаплыгина, 2019).

В Московском университете получили развитие обе эти традиции. Впоследствии это выразилось в структуре учебных курсов, отраженной в Уставе 1804 года. На отделении нравственных и политических наук действовала кафедра дипломатики и политической экономии. В то же время на отделении физических и математических наук существовали две кафедры: минералогии и

¹ По вопросу мобильности и влияния камерализма на Академию наук и Московский университет см.: (Raskov, 2020).

сельского домоводства; технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам. Но и в конце XVIII века существовала эта двойственность: вернувшиеся из Глазго И. Третьяков и С. Десницкий читали на юридическом факультете право; параллельно на факультете медицины курс естественной истории и основ земледелия читался М. Афониним, вернувшимся из Университета Упсалы, где им был успешно прослушан курс экономики Эммануэля Экмана².

В университете периодически возникали конфликты, которые в том числе были вызваны критикой «умозрительности» и отвлеченности знаний, которые преподавались немецкими профессорами. Д.С. Аничков, заменивший И.Г. Фроммана в должности профессора философии, критиковал как своего предшественника, так и упомянутого выше Ф.Г. Дильтея, «поколику основания и начала, на коих они утверждают свои мнения, суть неизвестные, сомнительные и произвольные» (Белявский, 1955: 229). В ответ Рейхель выступил резко против диссертации Аничкова, который призывал отделить знание от веры.

Против априоризма выступал и Третьяков, который критиковал аристотелевскую традицию, продолжавшую развиваться в современных ему работах иностранных профессоров. В частности, он критикует Гейнеция (на которого в том числе опирался в своих лекциях Ф. Дильтей), называя его и других натуральных философов «несносными схоластиками» (Третьяков, 1768: 21) за абстрактность и отвлеченность: «Их натуральная философия состояла в рассуждении одних пустословных атомов и в вымышленных некоторых взаимных вещей состраданиях (*Sympathia*), через которые существо вещей не может изъяснено быть. Она не была наподобие нынешней физики столько основана на математике, столько опытами доказываема и столь к художествам и к механике прилагаема. Вся их математика заключалась в одних остроумных доказательствах, без всякого употребления в коммерции, в мореплавании, астрономии, артиллерии и в механике» (Третьяков, 1768: 25).

При этом Третьяков считается учеником Адама Смита и должен быть приверженцем аналитического метода, в то время как Рейхель, например, был одним из инициаторов создания кафедры камералистики, что на первый взгляд должно означать его приверженность прикладным практическим наукам.

Десницкий также выступал против «схоластической традиции последователей Пуфендорфа» в лице Дильтея, Ланге и Шадена (Белявский, 1955: 237). Сам же старался опираться на материалы этнографических экспедиций, в частности – С. Крашенинникова о Камчатке. Конфликт возник и у Афонина с «реакционными профессорами Конференции Университета», из-за которого он вынужден был покинуть университет в 1777 году (Документы, 1961: 336–337).

Поскольку в этих дискуссиях упоминается и камерализм, и схоластика, и натуральная философия, а позиции диспутантов с трудом поддаются однозначной классификации, возникла необходимость более подробно исследовать интеллектуальный фон, на котором формировалась экономическая наука XVIII века, а также ответить на вопрос о том, насколько камерализм связан или противостоит традиции естественного права.

Камералисты и философы естественного права: принцип демаркации

Как известно, Й. Шумпетер в своей «Истории экономического анализа» разделял авторов XVII–XVIII веков на две автономные группы: схоластов и философов естественного права он объединял в одну группу, а другую назвал «консультантами-администраторами». Шумпетер исходил из того, что это две разные интеллектуальные традиции. Философы естественного права продолжают традицию «школы», схоластов. Даже если они стараются отчаянно с ней бороться, полученное ими классическое образование неизбежно формирует их дискурс. Вторая группа авторов, которую Шумпетер не называет камералистами лишь потому, что не хочет ограничиваться только исследованием германских авторов, объединяет тех, кто на практике занимался управлением экономикой. «Большая их часть не принадлежала к духовенству, поэтому неудивительно, что их книги, доклады, записки значительно отличаются от трудов схоластов и фило-

² Афонин был вынужден покинуть университет, после чего с 1784 по 1788 год он состоял «директором экономии» в Екатеринбургском наместничестве и в Крыму (Документы, 1961: 337).

софов естественного права. Равно как, впрочем, и от профессорских сочинений» (Шумпетер, 2001: 203).

Шумпетер отделяет камералистов от философов естественного права именно в силу различия метода анализа: «Практики не владели приемами систематизации материала и не обладали эрудицией университетских преподавателей, зато они хорошо знали факты и отличались новизной подхода» (Шумпетер, 2001: 203). Исключение здесь составляет только фон Юсти: «в его интеллектуальный арсенал входила вся современная и предшествующая философия естественного права, обогащенная практическим опытом», сочетание «весьма редкое» (Шумпетер, 2001: 217)³.

Также различие двух традиций видно и по структуре экономического образования. Представители традиции естественного права преподавали экономику на кафедрах моральной философии и права⁴. Таким образом, экономика рассматривалась как раздел науки о поведении человека и общества, что согласуется с аристотелевской традицией деления наук. Экономические кафедры в Англии и Шотландии возникнут только в XIX веке⁵.

Камерализм возникает совсем на другой основе, а именно – как наука о государственном управлении. Как пишет Зиг, «камералистика была не новой наукой, а представляла собой ответвление от традиционных учений о государственном управлении (Зиг, 2017: 128). Система подготовки чиновников возникает задолго до появления камерализма, еще в XIII веке. В XVI веке «в Марбурге, Кенигсберге, Вюрцбурге и Граце подготовка чиновников уступала по важности лишь подготовке священнослужителей» (Шумпетер, 2001). По мнению Бэкхауза, наука «о государственном управлении» возникла после Тридцатилетней войны, т.е. в XVII веке (Backhaus, 2009). Первые кафедры камералистики появляются в 1727 году в Пруссии при Фридрихе Вильгельме I. В университете Галле ее возглавил Саймон Петер Гассер⁶, во Франкфурте-на-Одере – Юстус Кристоф Дитмар⁷. Кафедры наук о госуправлении появляются в 1740 году в Университете Упсала⁸, в 1752 году – в Вене⁹, в 1754 – в Неаполе¹⁰. С 1755 года фон Юсти начинает читать лекции по политической экономии в Геттингенском университете.

В то же время строго отделить камерализм от традиции естественного права невозможно, так как целый ряд авторов был тесно связан с этой традицией. Чтобы разобраться в сложных отношениях двух интересующих нас течений, мы выделили три точки демаркации, три теоретических вопроса, и попытались проанализировать взгляды разных авторов по этим вопросам.

Априоризм

Кажется очевидным, что традиция естественного права опирается на априоризм как минимум в большей степени, чем камерализм, многие представители которого, по оценке Й. Шумпетера, даже не умели систематизировать знания, опираясь на детальное знание фактов экономической жизни (Шумпетер, 2001).

Традиция естественного права Новой Европы берет свое начало в схоластике, опирающейся на рационализм и тесно связанной с наследием античных философов, их методами анализа. При этом данная традиция серьезным образом трансформируется в работах Т. Гоббса и Дж. Локка, Г. Гроция и С. Пуфендорфа, которые всячески стремились преодолеть умозрительность и метафизичность схоластической традиции, придать ей основательность с помощью эмпирических методов (Smith, 2012: 6). Реализовать этот «эмпирический уклон» в наибольшей степени полу-

³ Юсти получил образование в австрийской гимназии Терезианской академии, созданной в 1746 году Марией Терезией, в которой готовили чиновников и дипломатов из отпрысков аристократических семей.

⁴ В Болонском университете отдельная кафедра моральной философии существовала уже в XIV веке.

⁵ Правда, с конца XVIII века в Эдинбурге (1792) и Оксфорде (1796) действовали кафедры сельского хозяйства.

⁶ Simon Peter Gasser, 1676–1745.

⁷ Justus Christoph Dithmar, 1677–1737.

⁸ Профессором практической экономики там был Эмануэль Экман. Именно в этот шведский университет в 1761 году будут отправлены из Кенигсберга М.И. Афонин и А.М. Карамышев, где они слушали не только курс К. Линнея, но и «семинары по экономике», за что получили весьма положительный отзыв от Экмана (Документы, 1962: 28–29).

⁹ С 1763 года в Венском университете начнет читать Зонненфельс, но как профессор политических наук (politischen Wissenschaften).

¹⁰ Кафедра коммерции и механики (commercio e meccanica), Антонио Дженовези (см. подр.: Дженовези, 2016).

чится у Юма, который благодаря скептицизму и «ньютоновскому методу» создаст новую версию теории естественного права (Westphal, 2016), ее еще называют социальной теорией естественного права (Smith, 2012; Chernilo, 2013).

И тем не менее априоризм сохранится: в универсальном характере прав, пусть и актуализирующихся в историческом процессе изменения институтов в версии Юма; в позиционировании их первенства, а значит, неизменной данности по отношению к истории и воле суверена. Это то, что сложно найти в текстах камералистов, особенно тех авторов, чьи идеи не смешаны с концепцией естественного права. Тянется эта традиция вплоть до Адама Смита¹¹ и всей классической политэкономии, проявляясь в приверженности априорным методам познания и поиску универсальных, естественных, т.е. совершенно не подвластных ни прихотям истории, ни воле человека законов.

Насколько действительно сохранилась априорность методов познания в рамках новой «рациональной», в терминологии Хабермаса, теории естественного права?

Одним из самых яростных противников схоластической традиции был Томас Гоббс. Его механицизм боролся против телеологизма схоластической мысли, что выразилось в последовательной замене любых упоминаний о внутренних мотивах (интенций) наблюдаемыми причинно-следственными связями. Его материализм боролся против умозрительности и абстрактности схоластических понятий: знания должны опираться только на чувственный опыт.

Но в области политики, в частности в его концепции блага, в его теории государства, материалистический метод неизбежно принял форму сенсуализма. Гоббс выводит социальное из индивидуальных ощущений. Он борется в первую очередь против общих понятий, в частности *finis ultimus* и *summum bonum*. В этом и состоит его борьба с умозрительностью. И это единственное, что действительно удалось разрушить Гоббсу из схоластического наследия, – общие понятия. Его теория общества последовательно индивидуалистична.

Но далее вся концепция Гоббса строится на основе логических выводов из этих первооснов. В результате и концепция государства, и природное состояние «войны всех против всех» приобретают весьма умозрительный характер. В этой связи любопытна цитата Гоббса: «...наука о естественном праве является единственной наукой, необходимой для суверенов и их главных служителей, потому что искусство строительства и сохранения государств, подобно арифметике и геометрии, основано на известных правилах» (Гоббс, 2018: 227). Фактически «теория о естественном праве» играет роль аксиоматики для «искусства строительства государства», подобно базовым принципам, на которых строится арифметика и геометрия. И эти базовые принципы выводятся не чисто эмпирическим методом, а скорее методом интроспекции.

Локк, также стремившийся порвать со схоластикой и опереться на эмпиризм, в области экономической и политической теории не смог этого сделать (Шумпетер, 2001). Его выводы относительно устройства общества являются результатом логических рассуждений (*ratio recta*) из априорных представлений о природе человека.

Пуфендорф, оказавший большое влияние на экономическую мысль как Англии (Backhaus, 2009), так и континента, включая Россию¹², воспроизводил теорию права Гроция¹³, а также опирался на метод Томаса Гоббса (Hont, 1990). Он также стремился бороться со схоластической казуистикой и видел в теории естественного права возможность опереться на очевидные факты человеческих поступков (Smith, 2012). Таким образом, Пуфендорф, так же как и Гоббс, видел в методе индивидуализма возможность преодолеть умозрительность схоластов. В частности,

¹¹ Здесь нужно говорить не только о влиянии философии Д. Юма, но и всего шотландского Возрождения. В частности, на взгляды Ф. Хатчесона, учителя А. Смита, оказала влияние философия Дж. Локка, а также Гершом Кармайкла, Гроция и Пуфендорфа (Smith, 2012). Гершом Кармайкл (Gershom Carmichael, 1672–1729) – первый профессор созданной в 1727 году кафедры моральной философии в университете Глазго, учитель Хатчесона, перенявшего впоследствии у него управление этой кафедрой. На его взгляды в том числе повлиял Дж. Локк. Также под его редакцией и с его комментариями была издана работа Пуфендорфа *De Officio Hominis et Civis*.

¹² На Пуфендорфа опирался Ф. Дильтей в своих лекциях по юриспруденции, а затем и Лангер.

¹³ Сам Гроций опирался на теорию международного права схоластов университета Саламанки.

сравнивая природу человека и животных, он объяснял различие между цивилизацией и варварством. По мнению И. Хонта, этот метод перенял А. Смит для формирования своей концепции развитого общества (Hont, 1990: 253).

Но кто действительно преодолевает априоризм схоластической традиции естественного права – это Дэвид Юм и другие представители шотландского Возрождения. Они попытались применить к общественным наукам «ньютоновский метод», который предполагал наблюдение за реальной природой и раскрытие на основе этих наблюдений простых и общих законов. Используя этот метод для анализа общественной жизни, Дэвид Юм и Адам Фергюсон создали метод социологического объяснения политических и правовых институтов. Именно этот подход получил название «натуральной истории». Он отличался от традиционной теории естественного права тем, что был основан на эмпирических наблюдениях и процедуре обобщения, а не на дедукциях из априорных первопринципов (Smith, 2012).

В теории Юма естественные законы – это правила, которые создаются эволюционно, в ходе приспособления человека к объективным обстоятельствам. В этой связи Юм даже выступает против понятия «естественный закон», но лишь в том смысле, что законы человеческого общества не являются природными, они создаются самими людьми в ходе истории. Тем не менее эти законы носят естественный характер в том плане, что, поскольку они приняты большей частью человечества, из этого следует, что они соответствуют истинной природе человека: «Когда какое-то нововведение является очевидным и абсолютно необходимым, можно с уверенностью сказать, что оно является таким же естественным, как то, что вытекает непосредственно из первоначальных принципов, не прибегая к анализу или рассуждениям» (Smith, 2012).

Опирались ли камералисты на априорный метод, разрабатывая свои системы устройства общества? Сложно давать однозначные оценки по двум причинам: во-первых, большой разнородности авторов, которых относят к камерализму; во-вторых, прикладного характера текстов, а также ассоциирования камерализма не только с теорией, но и с практикой. Априорные первопринципы необходимы при построении стройных логичных теорий. Для практиков критерием отбора является функциональность и эффективность конкретных мер.

Как пишет А. Канха, камерализм впитывал в себя прежде всего успешные практики, причем самые разные, какие только находил вокруг себя, не задумываясь над тем, какие теории лежат в основе этих практик и согласуются ли эти теории между собой. «Конкретные идеи отбирались потому, что они были связаны с конкретными интересующими темами или конкретными проблемами... Этот процесс в первую очередь представлял собой распространение “конкретных камералистских идей”, а не всеобъемлющей системы знаний» (Cunha, 2020: 218). Таким образом, в силу прикладных целей, порождавших эклектизм, камералисты не интересовались фундаментальными основами тех идей, которые они заимствовали. Таким образом, знания носили опытный, прикладной характер. Там редко встречается теория как таковая.

Следствием (и косвенным доказательством) отсутствия теории является невозможность создания единой системы знания в рамках камералистской традиции, которая подчеркивалась еще современниками. Сам Юсти писал о своих предшественниках Гассере и Дитмаре, что их учебники создают впечатление, будто в камеральных науках «абсолютно невозможен по-настоящему взаимосвязанный учебный комплекс... Так, даже камералистика Дарьева состояла исключительно из перечня технических приемов сельского хозяйства и городского ремесла, функционирования полицейского порядка и административных ведомств... Попытки Рюдигера систематизировать камералистику имели своим результатом появление обширного списка всевозможных сфер, которые охватывал предмет: финансы, управление, военное дело, сельское хозяйство, торговля и промышленность, горное дело, математика, право, история, общественный порядок и коммунальное хозяйство, медицина, воспитание, обычаи и религия» (Зиг, 2017: 132).

Л.Г. Якоб¹⁴ также отмечал, что тот объем специализированных знаний, который должны были изучить студенты в рамках камеральных наук, был слишком обширен. Сам он видел единственный путь систематизировать экономическое знание в том, чтобы в основу науки положить теорию политической экономии, а всем специализированным знаниям придать статус дополнительных дисциплин (Зиг, 2017: 132).

В рамках камерализма существовали системы знаний. Ярким примером такой системы являются работы фон Юсти (Nokkala, 2019; Расков, 2019). При этом, как уже говорилось, Шумпетер отмечает необычный симбиоз теории естественного права и практического опыта, характерный для Юсти. В частности, сказывается влияние Вольфа и его концепции естественного права.

Природа человека

Еще одним пунктом, отличающим взгляды камералистов и сторонников естественного права, является степень принятия естественной человеческой природы и формы управления поведением людей.

Камералисты очевидно обеспокоены моральным обликом граждан. Причем как степенью их добродетельности, так и степенью их разумности и трудолюбия. В проектах государственного управления XVIII века, причем широкого круга авторов, часто фигурирует образование и воспитание граждан (Зеккендорф и фон Юсти, Вольф и Дженовези¹⁵): развитие начального, специального и высшего образования, обеспечение добродетельных нравов всех категорий населения, от детей до государственных служащих. Дженовези пишет о том, что это обязанность государственных деятелей – насаждать «этические принципы, которые касаются справедливости и честности сделок, и в особенности цен на вещи и труд, ростовщичества, валютных обменов и проч.» (Дженовези, 2016: 6).

Сложно отделаться от ощущения, особенно при чтении работы Дженовези, получившего теологическое образование и претендовавшего на заведование кафедры теологии, что он отвержен схоластической традиции. Как известно, схоласты большое внимание уделяли морали. Но это было в первую очередь следствием неэкономических задач, которые они ставили перед собой. В текстах экономистов XVIII века мораль в большей степени рассматривается не как самостоятельная цель, а как средство достижения экономического богатства и преуспевания нации. «Бессмысленно пытаться преобразовать ремесла, торговлю, правительство, если нет речи о том, чтобы преобразовать нравственность», – пишет Дженовези (2016: XXXIV).

Правда, у Фомы Аквинского этот аргумент тоже присутствует. Добродетельное поведение служит гарантией установления справедливых цен, а значит, защищает от возможных убытков при совершении обменных сделок. Но эта выгода рассматривается на микроуровне, в рамках золотого правила морали, как защита от «эффекта бумеранга»: не поступай так, как ты не хотел бы, чтобы поступали с тобой (Фома Аквинский, 2004). Мораль не рассматривалась схоластами как фактор экономического развития общества, и в первую очередь потому, что это развитие их не очень интересовало. У камералистов она предстает именно в такой роли.

Можно говорить и о том, что внимательное отношение к вопросам воспитания населения – в целом характерная черта не только камерализма, но и всей доклассической экономической мысли. Например, в древневосточных трактатах авторы писали о взаимосвязи экономики и морали, в первую очередь указывая на влияние разных видов хозяйственной деятельности на моральный облик граждан (Шан Ян, 1993). Поскольку целью государства в первую очередь было укрепление власти и стабильность, то и мораль интересовала как средство для решения вопросов социального мира, патриотизма и лояльности власти. В Новое время, когда с развитием национальных государств и новым политическим укладом начинает формироваться экономическая

¹⁴ Якоб оказал сильное влияние на развитие русской экономической мысли. Он преподавал в Харьковском университете и считался крупнейшим специалистом в области политической экономии. Ученик Канта, профессор университета в Галле, трижды избиравшийся там ректором, автор популярных руководств по философским и политическим наукам. Автор первого в России сочинения по полицейскому праву. В 1809 году был привлечен в качестве эксперта по государственному хозяйству к разработке финансовой реформы Сперанского (Феофанов, 2011).

¹⁵ В России – Рейхель.

политика, т.е. экономическое развитие становится самостоятельной задачей государства (Фуко, 2010), моральный облик становится фактором не только укрепления власти, но и процветания экономики. В частности, у авторов, которых традиционно относят к меркантилистам или «критикам меркантилизма», можно встретить такое же серьезное отношение к «моральному облику» населения. Только у них на первый план выходят чисто экономические добродетели: трудолюбие (А. Серра, Т. Ман, У. Петти) или бережливость (Д. Юм). Другое дело, что у большинства упомянутых авторов не ставится вопрос о сознательном воспитании этих качеств. Тем не менее, акцент на поведении как важном экономическом факторе кардинальным образом отличает и камерализм, и меркантилизм от классической политэкономии, в которой не рассматриваются эти вопросы¹⁶.

Возвращаясь к Дженовези, мы видим, что в его работе воспроизводится и характерное для схоластов двойственное отношение к природе человека, противоречивость этой природы. Он пишет, что человеком управляют две «исконные силы»: сила расточающая (*diffusiva*) и сила концентрирующая (*concentriva*)» (Дженовези, 2016: XVII–XVIII). Забота о том, чтобы эти силы были уравновешены, лежит на государе, который должен с помощью законов сплотить людей в единое социальное тело.

Кажется, что эти идеи переключаются с идеями схоластов, которые никогда не забывали о двойственности природы человека, несущей в себе как отпечаток Бога, так и след первородного греха. Также вспоминаются идеи Гоббса о том, что человеческая природа, предоставленная сама себе, приводит к социальным конфликтам. Из чего делается вывод, что человека нужно контролировать и воспитывать.

Чтобы понять отличия, нужно проанализировать, каким именно образом с точки зрения этих разных авторов необходимо контролировать и преобразовывать природу человека. Но прежде посмотрим, как относятся к человеку сторонники философии естественного права Нового времени.

Традиция естественного права исходит из «естественной природы» человека. Ключевым тезисом, отличающим этих авторов, является идея о том, что эта природа не может быть изменена. Об этом пишет Д. Юм (2004). Это становится ключевым тезисом классической политэкономии и основой ее экономического либерализма (Петти, 1997; Буагильбер, 2004). По всей видимости, это связано с применением метода естественных наук, которые не предполагают воздействие на силы природы с целью их изменения. Не даром эгоизм Гельвеций сравнивал с законом всемирного тяготения. Его нельзя изменить. Поэтому и эгоизм нельзя перевоспитать. Идти против природы – это дорогостоящее и тщетное занятие (Юм, Буагильбер)¹⁷.

Но, как и в естественных науках, силами природы можно пользоваться себе во благо. В этом, как нам кажется, и кроется существенное различие между позицией камералистов и философов естественного права, стремившихся применять «эмпирический метод» естественных наук к социальной реальности: первые заботятся о воспитании человека, вторые – о создании такого правового механизма, который позволит естественные свойства человеческой натуры обернуть на пользу обществу и самому человеку.

Любопытно, что, по мнению Иштвана Хонта, благодаря Гроцию¹⁸ для европейцев Нового времени стало стандартным разделение между двумя типами отношений: основанных на милосердии и доброжелательности или основанных на строгом соблюдении контрактов. Хонт подчеркивает, что знаменитая фраза Смита «...не от милости мясника ожидаем мы...» является проявлением именно этой дихотомии, стандартной для пост-Гроциевой социальной мысли.

¹⁶ Лишь в работе Дж.С. Милля вновь вернутся эти темы, но Милль – не типичный представитель классической политэкономии. На его мировоззрение существенным образом повлияла немецкая философия, в частности И. Кант. В его теории зарождаются элементы будущего институционализма, альтернативного классике направления экономической мысли, берущего свое начало в Германской исторической школе. Отдельная тема – работы Г. Торнтона, где доверию уделяется очень важная роль (Ананьин, 2002). Но его подход кажется нам механистическим – Г. Торнтон видит в финансовых институтах ключ к решению проблемы доверия. Это вполне вписывается в традицию естественного права, о которой будет сказано ниже.

¹⁷ Среди русских экономистов XVIII века Третьяков говорил о невозможности идти против природы: «Во многих обществах от несправедливости рассуждений и от враждебного несогласия между людьми высшего и низшего состояния происходят установления, препятствующие такому натуральному течению; однако оные действительными нигде не бывают; поелику они совсем противны самой натуре человеческой» (Третьяков, 1768: 13).

¹⁸ Гроций оказал непосредственное влияние на Пуфендорфа, Дж. Локка и на всю английскую общественно-правовую мысль.

Не является ли это ключом к различию между традицией естественного права и камерализмом? Камерализм сохраняет черты патриархального восприятия общественных связей, где личные качества, как и личные отношения, играют важную роль в создании социума и поддержке его жизнедеятельности. Традиция естественного права формирует совсем иной принцип построения общества – установление и следование праву. Человеку не нужно быть хорошим, его не нужно перевоспитывать. Он должен просто соблюдать правила.

Может показаться, что нет разницы между воспитанием человека и требованием соблюдать правила. Формально это так. Но вопрос, какова природа правил? Если правила навязываются разумным правителем и подчиняют природу человека – это перевоспитание. Наглядный пример – естественное право схоластов. Его источник – божественное право, из которого на основе разума выводятся законы управления обществом. Таким образом, право противостоит природе человека и корректирует ее.

По теории общественного договора правила вытекают из природы человека, они являются продолжением этой природы, следовательно – это не перевоспитание. Даже у Гоббса его Левиафан – это логическое следствие естественной склонности человека к самосохранению. Также и у Гроция – человек стремится к самосохранению, но поскольку он слаб, то он стремится к объединению в общество. У Юма – создаваемые институты есть не навязывание людям доброй воли мудрого правителя, а воплощение их собственной естественной природы. Та же самая идея питает либерализм Смита – никто, кроме людей не знает, как лучше поступать. Любой правитель, взявший на себя право решать за людей, обременил бы себя излишней заботой, которую бы все равно не смог осуществлять.

Напротив, в текстах Дженовези сохраняется практически схоластический призыв к изменению мотивации: «...каждая семья и каждый человек обязаны стремиться обеспечить всеобщее благо в той мере, в какой им позволяют их возможности». В свою очередь и государство, вводя законы, «насаждает» этические правила, «преобразует нравственность». В текстах фон Юсти законы также выступают как нечто противостоящее человеку. Это противостояние разрешается лишь признанием людьми разумности этих законов, что превращает необходимость подчинения им в свободу (Шумпетер, 2001).

При этом Дженовези придерживался теории общественного договора. В этой эклектичности рассматриваемой нами литературы скрывается вся сложность формирования однозначных оценок этого направления. Мы можем лишь подчеркнуть одно важное различие между версией общественного договора Гоббса, которой следовал Дженовези, и Дж. Локка. Согласно Гоббсу, люди передают свои права суверену, оставляя себе право на жизнь. У Дженовези они передают часть своих прав, но также именно передают их. Концепция общественного договора Локка иная – в ней человек сохраняет за собой все свои права. Государство лишь уполномочено контролировать соблюдение его прав.

Вмешательство в экономику

Камералисты известны именно своим активным вмешательством в экономику. Начиная с работы Иоагана Иоахима Бехера 1667 года «Политические рассуждения об истинных причинах расцвета и заката городов, стран и республик», которая стала доминировать в германской практике почти на протяжении трех поколений, оказав влияние на таких авторов, как фон Хорник, Гассер, фон Юсти (Backhaus, 2009), идея государственного регулирования широкого круга вопросов – от регулирования торговли и любых других форм обмена до активной поддержки торговых компаний, мануфактур и коммерческих домов – стала главной отличительной особенностью камерализма.

Идея состояла в том, что для эффективного развития экономики необходима рационализация хозяйственной деятельности. Эту рационализацию брало на себя государство. Для этого оно собирало информацию о ресурсах страны, о технических новшествах, о возможностях более эффективной организации рынков и отраслей, более эффективной траты доходов, стимулирования производительности труда и т.д. На основе этих знаний оно старалось увеличить отдачу от тех ресурсов, которыми владело.

Список «забот государевых» по теории фон Юсти, который приводит Й. Шумпетер, включает, помимо уже упомянутых вопросов занятости и достойной заработной платы, усовершенствование методов и организации производства, обеспечение поставок сырья и продовольствия, вплоть до рекомендаций мануфактурам, какие товары лучше производить.

Возникает ощущение, что, по мнению этих авторов, если выпустить из рук мудрого правителя экономическую жизнь населения, она неизбежно начнет деградировать. И если у фон Юсти и присутствует идея экономики как автоматически действующего механизма, вплоть до утверждений, что для развития промышленности и торговли достаточно лишь свободы и безопасности, она смешивается с четким пониманием того, что этот механизм часто дает сбой и потому требует постоянного ремонта. И вот тут необходимо государство. Благодаря этому Шумпетер оценивает его позицию как более мудрую в сравнении со Смитом, благодаря большему вниманию к реальному опыту управления национальными экономиками.

Что касается сторонников естественного права, то именно в рамках этой традиции закладываются основы будущего экономического либерализма. Но их либерализм – это не просто свобода. Важную роль играет система законов, которая создает правила игры. Тогда в чем принципиальное отличие от регуляционизма камералистов?

Ключевой особенностью их взглядов было стремление разработать универсальную систему законов, которая бы могла быть введена однажды и больше не требовала значительных корректировок. Она бы сформировала тот самый социальный и экономический механизм, который бы затем мог работать в автономном режиме, не требуя постоянного управления.

Как пишет Амит Рон, для Смита установление законов – это самоцель. Это не управление людьми, это создание дееспособной системы координации их поступков (Ron, 2008). При этом Рон считает, что эта идея восходит к Гроцию. Отсюда вытекает знаменитый механицизм классической политэкономии и экономический либерализм. Управлять надо правом, тогда экономика сможет сама справляться со своими задачами. Камералистам чуждо это понятие механизма. Их управление носит ручной характер, ярким примером которого является иосифизм.

Нам кажется, что есть две фундаментальные причины таких различий. Первая, по всей видимости, состоит в разном понимании природы законов. Для философов естественного права характерно представление об универсальных и неизменных законах, поэтому и система может быть введена однажды и дальше действовать, не требуя корректив. Для камералистов законы – это инструменты, подбираемые под конкретные ситуации. Поэтому они должны постоянно обновляться и меняться, что требует неусыпного контроля и корректировки.

Представление об универсальных законах восходит к схоластической традиции (а далее к античной). Как пишет Шумпетер, либерализм XVIII века, вплоть до либерализма А. Смита, был рожден философией Локка, а та, в свою очередь, восходит к традициям схоластов. Видимо, тут действительно есть некое противостояние схоластической традиции и политики национальных государств. Во-первых, схоласты выступали за контроль над властью, полагая, что закон выше воли суверена. Во-вторых, они всегда сохраняли наднациональную перспективу и законы понимали как наднациональные и высшие по сравнению с национальными интересами. Этот христианский универсализм стал, по всей видимости, основой универсализма «естественного права».

Представители камерализма, которые занимались разработкой политики национальных государств, в значительно большей степени исходили из национальных интересов, национальной специфики.

И в этом плане противостояние русских и германских профессоров второй половины XVIII века в данном вопросе можно интерпретировать действительно как противостояние схоластики (немецкие профессора) и камерализма (русские профессора). Это было обусловлено как иноземным происхождением германских профессоров, которые объективно не владели российской спецификой, так и методологией, согласно которой есть общие принципы, которые выводятся либо априори (юрист Дильтей), либо из натуральной истории (историк Рейхель), но они универсальны. Российские же профессора настаивали на необходимости изучения российской действительности (Татищев, Ломоносов и т.д.).

Вторая фундаментальная причина кроется в различном понимании общего блага. Для того чтобы идея автоматически действующего механизма координации людей была устойчива, необходимо, чтобы общее благо стало пониматься в утилитаристском плане как пресловутое наибольшее счастье для наибольшего числа людей. Для схоластов такой подход неприемлем. Как пишет Шумпетер, схоластическое понятие «общего блага» близко представлениям А. Пигу, суть которого состоит в том, что между общим и частным благом возможно противоречие, и частный интерес должен отступать перед лицом общего интереса.

Шумпетер пишет, что схоластическое понятие общего блага оказало влияние на итальянских экономистов XVIII века. Но также и понятие Wohlfahrtsstaat («государство всеобщего благосостояния») фон Юсти (как и Карафы) является синтезом схоластической концепции общего блага и «специфически утилитаристского понятия счастья». Тем не менее идея автоматического сложения общего блага как суммы частных вряд ли может быть названа характерной для камералистской литературы.

***

Мы видим, что камерализм – очень сложное комплексное течение, которое переплетается с другими интеллектуальными направлениями XVIII века – и схоластикой, и философией естественного права. Мы попытались провести три логических водораздела и проследить их теоретические истоки для того, чтобы сформировать некий инструмент, который позволил бы лучше ориентироваться во всем богатстве и многообразии экономической литературы XVIII века. Первым различием является априоризм, который в значительной степени сохранялся в рамках традиции естественного права и в дальнейшем получил развитие в виде аналитических методов классической политэкономии. Этот априоризм противостоит прикладному характеру камеральных наук, отсутствию у них интереса к теории как таковой, к раскрытию общих универсальных законов на основе логических выводов из базовых постулатов. Вторым различием является отношение к естественной природе человека: если камералисты заботились о перевоспитании человека, то сторонники традиции естественного права – о создании системы права, которая бы использовала естественные свойства человеческой натуры на благо всего общества. Это различие можно интерпретировать как различие между патриархальной системой отношений, основанной на добродетельном поведении, и новой системой правовых отношений, не требующих от человека иных моральных совершенств, кроме следования установленному закону. Третье различие касается принципов регулирования экономики. Сторонники традиции естественного права стремились разработать универсальную систему законов, которая бы могла быть введена однажды и больше не требовала значительных корректировок, создав автономно действующий экономический механизм. Камералистам было чуждо это понятие механизма. Их управление носило ручной характер. Причины этого различия кроются в отсутствии у камералистов идеи универсальных законов, а также в разном понимании природы общего блага и его связи с индивидуальным благом.

Литература

- Ананьин, О. И. (2002). Макроэкономика Генри Торнтонна, или О чем знали экономисты еще 200 лет назад // *Вопросы экономики*, (12), 110–126.
- Белявский, М. Т. (1955). *М.В. Ломоносов и основание Московского университета*. Москва: Изд-во Московского университета.
- Буагильбер, П. (2004). Рассуждение о природе богатства, денег и налогов, или Об обнаружении ошибочности того суждения, которое господствует в мире относительно этих трех предметов. С. 185–242 / В кн.: А.Г. Худокормов и др. (ред.) *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков*, Т. 1. М.: Мысль.
- Гоббс, Т. (2018). *Левифан*. М.: Рипол классик.
- Дженовези, А. (2016). *Лекции о торговле, или О гражданской экономике*. М.-СПб.: Издательство Института Гайдара.

- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века* (1961): В 3 т., Т. 1. М.: Издательство Московского университета.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века* (1962): В 3 т., Т. 2. М.: Издательство Московского университета.
- Зиг, Г. М. (2017). Экономическая политика, финансовое управление и камералистика в Пруссии в XVIII столетии. С. 109–134 / В кн.: С.И. Невский (ред.) *Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней*. М.: ИНФРА-М.
- Петти, У. (1997). Трактат о налогах и сборах / В кн.: Петти, У. *Избранные работы: Трактат о налогах и сборах, Слово мудрым, Разное о деньгах*. М.: Ось-89.
- Расков, Д. Е. (2019). Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века // *Terra Economicus*, 17(4), 62–79.
- Третьяков, И. (1768). *Слово о происхождении и учреждении университетов в Европе на государственном иждивении*. М.: Издательство Императорского Московского Университета.
- Феофанов, А. М. (2011). Профессора-иностранцы в российских университетах во второй половине XVIII – первой половине XIX века // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, (8), 186–195.
- Фома Аквинский (2004). Сумма теологии, Часть IIa-IIae, Вопрос 77, 78, с. 131–140 / В кн.: А.Г. Худокормов и др. (ред.) *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков*, Т. 1. М.: Мысль.
- Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики*. М.: Наука.
- Чаплыгина, И. Г. (2019). Камерализм и экономические дисциплины в Московском университете XVIII века // *Terra Economicus*, 17(4), 8–22.
- Шан Ян (1993). *Книга правителя области Шан*. М.: Ладомир.
- Шумпетер, Й. А. (2001). *История экономического анализа*, Т. 1. СПб.: Экономическая школа.
- Юм, Д. (2004). О торговле. С. 185–242 / В кн.: А.Г. Худокормов и др. (ред.) *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков*, Т. 1. М.: Мысль.
- Backhaus, J. G. (2009). From Wolff to Justi, pp. 1–18 / In: J.G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy*. Springer.
- Chernilo, D. (2013). *The Natural Law Foundations of Modern Social Theory. A Quest for Universalism*. Cambridge University Press.
- Cunha, A. (2020). Cameralist ideas in Portuguese enlightened reformism: The diplomat Rodrigo de Souza Coutinho and his circuits of intellectual exchange, pp. 201–223 / In: E. Nokkala, N.B. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment. Happiness, Governance and Reform in Transnational Perspective*. Routledge.
- Hont, I. (1990). The language of sociability and commerce: Samuel Pufendorf and the theoretical foundations of the “Four-Stages Theory” / In: A. Pagden (ed.) *The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nokkala, E. (2019). *From Natural Law to Political Economy: J.H.G. von Justi on State, Commerce and International Order*. Zürich: Lit.
- Raskov, D. (2020). Cameralism in Eighteenth-Century Russia. Reform, Translations and Academic Mobility, pp. 274–300 / In: E. Nokkala, N.B. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment. Happiness, Governance and Reform in Transnational Perspective*. Routledge.
- Ron, A. (2008). Modern natural law meets the market, the case of Adam Smith // *European Journal of Political Theory*, 7, 117–136.
- Smith, C. (2012). Adam Smith and natural law, pp. 24–37 / In: S. Gregg, H. James (eds.) *Natural Law, Economics and the Common Good: Perspectives from Natural Law*. UK: Imprint Academic.
- Westphal, K. R. (2016). *How Hume and Kant Reconstruct Natural Law. Justifying Strict Objectivity without Debating Moral Realism*. Oxford: Clarendon Press.

References

- Ananyin, O. I. (2002). Macroeconomics of Henry Thornton, or What economists knew about 200 years ago. *Voprosy Ekonomiki*, (12), 110–126. (In Russian.)
- Backhaus, J. G. (2009). From Wolff to Justi, pp. 1–18 / In: J.G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy*. Springer.
- Belyavsky, M. T. (1955). *M.V. Lomonosov and the founding of Moscow University*. Moscow: Publishing house of Moscow University. (In Russian.)
- Boisguillebert, P. (2004). Reasoning about the nature of wealth, money and taxes, or About discovering the fallacy of the judgment that prevails in the world regarding these three objects, pp. 185–242 / In: A.G. Khudokormov et al. (Eds.) *World economic thought. Through the prism of centuries*, Vol. 1. Moscow: Mysl Publ. (In Russian.)
- Chaplygina, I. G. (2019). Cameralism and economic disciplines in the eighteenth-century Moscow University. *Terra Economicus*, 17(4), 80–94. (In Russian.)
- Chernilo, D. (2013). *The Natural Law Foundations of Modern Social Theory. A Quest for Universalism*. Cambridge University Press.
- Cunha, A. (2020). Cameralist ideas in Portuguese enlightened reformism: The diplomat Rodrigo de Souza Coutinho and his circuits of intellectual exchange, pp. 201–223 / In: E. Nokkala, N.B. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment. Happiness, Governance and Reform in Transnational Perspective*. Routledge.
- Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century* (1961). In 3 vols., Vol. 1. Moscow: Moscow University Publ. (In Russian.)
- Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century* (1962). In 3 vols., Vol. 2. Moscow: Moscow University Publ. (In Russian.)
- Feofanov, A. M. (2011). Foreign professors at Russian universities in the second half of the 18th – first half of the 19th century. *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, (8), 186–195. (In Russian.)
- Foucault, M. (2010). *The Birth of Biopolitics*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)
- Genovesi, A. (2016). *Lectures on Trade, or About the Civil Economy*. Moscow, St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian.)
- Hobbes, T. (2018). *Leviathan*. Moscow: Ripol classic Publ. (In Russian.)
- Hont, I. (1990). The language of sociability and commerce: Samuel Pufendorf and the theoretical foundations of the “Four-Stages Theory” / In: A. Pagden (ed.) *The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hume, D. (2004). On the trade, pp. 185–242 / In: A.G. Khudokormov et al. (Eds.) *World economic thought. Through the prism of centuries*, Vol. 1. Moscow: Mysl Publ. (In Russian.)
- Nokkala, E. (2019). *From Natural Law to Political Economy: J.H.G. von Justi on State, Commerce and International Order*. Zürich: Lit.
- Petty, W. (1997). Treatise of Taxes and Contributions / In: Petty, W. *Selected Writings: Treatise of Taxes and Contributions, Verbum Sapienti, Quantulumcunque Concerning Money*. Moscow: Os-89 Publ. (In Russian.)
- Raskov, D. (2020). Cameralism in Eighteenth-Century Russia. Reform, Translations and Academic Mobility, pp. 274–300 / In: E. Nokkala, N.B. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment. Happiness, Governance and Reform in Transnational Perspective*. Routledge.
- Raskov, D. E. (2019). Cameralism of books: Justi’s translations in the eighteenth-century Russia. *Terra Economicus*, 17(4), 62–79. (In Russian.)
- Ron, A. (2008). Modern natural law meets the market, the case of Adam Smith. *European Journal of Political Theory*, 7, 117–136.

-
- Schumpeter, J. A. (2001). *History of Economic Analysis*, Vol. 1. St. Petersburg: School of Economics Publ. (In Russian.)
- Shang Yang (1993). *The Book of Lord Shang*. Moscow: Ladomir. (In Russian.)
- Smith, C. (2012). Adam Smith and natural law, pp. 24–37 / In: S. Gregg, H. James (eds.) *Natural Law, Economics and the Common Good: Perspectives from Natural Law*. UK: Imprint Academic.
- Thomas Aquinas (2004). The sum of theology, part IIa-IIae, question 77, 78, p. 131–140 / In: A.G. Khudokormov et al. (Eds.) *World economic thought. Through the prism of centuries*, vol. 1. Moscow: Mysl Publ. (In Russian.)
- Tretyakov, I. (1768). *A Word on the Origins and Founding of State-Funded Universities in Europe*. Moscow: Publishing house of the Imperial Moscow University. (In Russian.)
- Westphal, K. R. (2016). *How Hume and Kant Reconstruct Natural Law. Justifying Strict Objectivity without Debating Moral Realism*. Oxford: Clarendon Press.
- Zig, G.M. (2017). Economic Policy, Financial Management, and Cameral Studies in Prussia in the 18th century, pp. 109–134 / In: S.I. Nevsky (ed.) *Economic History of Germany: From the Era of Cameralism to Present Day*. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russian.)